

Свѣтлячокъ

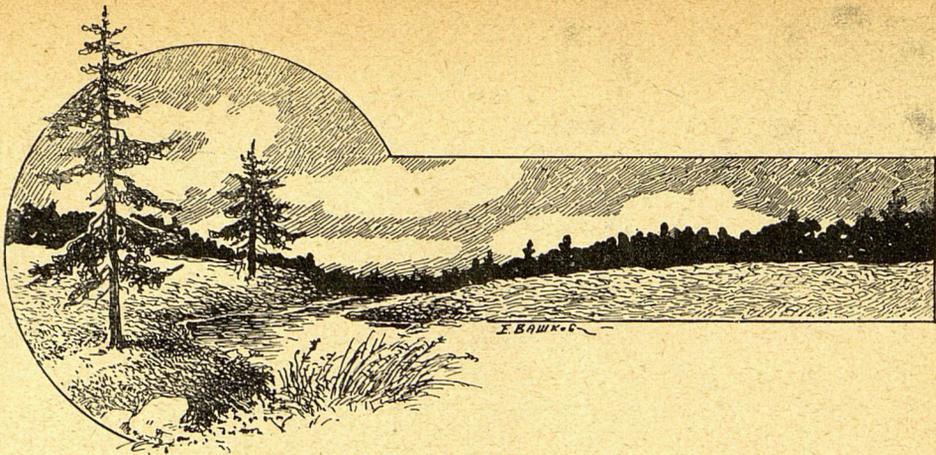
1903 г. • годъ II. • № 22.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

— Вы должны насъ угостить, госпожа галка, а вы
щиплете намъ же хвосты!

Про Наташу, куклу Мэри и крота *).

V.

Увлеченная картиной подъема „воздушнаго шара“, Наташа слѣдила за улетающимъ жукомъ, убѣжала сперва за домъ, а потомъ—на задній дворъ и, наконецъ, очутилась на огородѣ. Женя оказался тамъ раньше ея. Оба, напряженно слѣдили за крохотной черной точкой, маячившей на голубомъ фонѣ неба.

А въ это время бѣдная Мэри лежала, уткнувшись фарфоровымъ носомъ въ песокъ. Ея широкая, бѣлая шляпа погнулась въ поляхъ и замаралась въ песокъ, такъ же какъ и голубое баржевое платье и бѣлая кавказская бурка, прикрывавшая ея плечи.

Мэри надоѣло лежать въ такомъ положеніи и она, наконецъ, произнесла:

*) Окончаніе.—См. „Свѣтлячокъ“, № 21.

— Что же это такое? Когда же придетъ Наташа! Вѣдь ужъ я лежу такъ цѣлыхъ полчаса!..

Кругомъ было тихо. Никто не отвѣчалъ на ея вопросъ. Кучеръ Трифонъ отличался молчаливостью и дѣлалъ только свое дѣло—правиль лошадыми. Потому у него всегда руки были неестественно вытянуты, глаза вытаращены и лицо какое-то испуганное.

— Какъ несносно лежать въ одномъ положеніи!—продолжала Мэри,—хоть бы на другую сторону перевернуться! Что обо мнѣ могутъ подумать прохожіе?

А тѣ проходили мимо чугунной рѣшетки, заглядывали въ садъ, видѣли душистые красивые тюльпаны и гіацинты, коляску, лежавшую на пескѣ Мэри и ровно ничего не думали, считая и цвѣты, и Мэри, и коляску съ Трифономъ такими мелочами, на которыя не стоитъ обращать вниманія.

Но не такъ думали Мэри, Трифонъ и тюльпаны.

Они были убѣждены, что всѣ знаютъ ихъ, всѣ на нихъ смотрятъ, всѣ ими интересуются. И когда солнце, склоняясь къ западу, скрылось за большимъ, пятиэтажнымъ домомъ, бывшимъ

напротивъ, имъ стало очень скучно. Тюльпаны сердито загнули края своихъ красивыхъ лепестковъ, гiацинты нахмурились, а Мэри съ отчаяніемъ воскликнула:

— Ну, вотъ, сейчасъ пойдутъ испаренія, и мое платье отсырѣетъ. Да когда же, наконецъ, вернется Наташа?

— Ждите, какъ же!—воскликнула неизвѣстно откуда появившаяся лягушка, — очень вы нужны вашей легкомысленной Наташѣ! Я сейчасъ съ задняго двора и видѣла, какъ она, вмѣстѣ съ братцемъ, оба, словно какіе сумасшедшіе, бѣгали по грядамъ за какимъ-то жукомъ, топча только-что выпрыснувшую изъ земли редиску и морковь.

— Что вы!—воскликнула Мэри,—не можетъ быть! Наташа такая благонравная воспитанная, такая аккуратная, чистенькая дѣвочка!

— Посмотрѣли бы вы теперь на эту чистенькую дѣвочку! Сейчасъ ее няня за руку увела въ домъ, да въ такомъ видѣ, что смотрѣть страшно! Волосы растрепаны, на щекѣ царапина, носъ въ чемъ-то вымаранъ, башмачки всѣ въ грязи,—просто не узнать Наташи.

— Ай-ай-ай! Отчего же это такъ?

— Да все потому, что за жукомъ бѣгала!

Очень, видите ли, ей интересно, какъ онъ летаетъ съ какой-то бумажкой. Подумаешь, какое интересное зрѣлище! А какое на васъ хорошенькое платьице!—воскликнула лягушка, подскочивъ ближе.

— Да, очень хорошенькое! Только пожалуйста, не замажьте мнѣ его лапками! У васъ лапки грязныя?—спросила Мэри.

— Такъ себѣ! Я трудящаяся, рабочая лягушка, мнѣ некогда соблюдать чистоту!..

Мэри покосилась на лягушку и подумала: „Ахъ, какая тоска лежать и ждать! Что же не идетъ Наташа!..“

VI.

Наташа все не приходила. Солнце давно закатилось. Ночная влага охватила садикъ и все бывшее въ немъ. Отсырѣли не только платье Мэри, но и шляпка, и бурка, и маленькія лакированныя туфельки: даже сама Мэри сдѣлалась холодная. Наташа все не приходила... Небо потемнѣло, за чугунной рѣшеткой, по проспекту зажглись бѣлымъ свѣтомъ фонари; гдѣ-то по-сосѣдству гремѣла цѣпью и лаяла сторожевая собака. А Наташи все не было.

Въ садикѣ сдѣлалось свѣжо. Тюльпаны и

гіацинты молча, съ наслажденіемъ, впитывали въ себя ночной, влажный воздухъ. На небѣ, съ востока выплыла ярко-широкая, круглая луна. Она освѣтила садикъ съ влажнымъ пескомъ дорожекъ, лежавшую въ прежнемъ положеніи нарядную Мэри, испуганное, съ вытращенными глазами лицо кучера Трифона, пару сѣрыхъ лошадей и куртину съ тюльпанами и гіацинтами.

— Ну, вотъ прекрасно!—въ раздраженіи воскликнула Мэри! — этого только недоставало, чтобы и при лунномъ освѣщеніи меня видѣли лежащей носомъ въ песокъ! Хорошаго мнѣнія будутъ обо мнѣ всѣ эти кавалеры и дамы, которые въ коляскахъ мчатся на прогулку по островамъ! А всему виной легкомысленная Наташа.

— О чемъ вы это, барышня?—раздался подъ землей чей-то грубый голосъ, и, прежде чѣмъ Мэри могла что-нибудь сообразить, мѣсто на песокъ подлѣ нея заколебалось, растрескалось, и на поверхности высунулась поросычья мордочка слѣплого крота.

— Ахъ, какъ вы меня испугали!—воскликнула Мэри,—развѣ можно такъ неожиданно?

— Какое неожиданно!—усмѣхнулся кротъ,—

это для васъ мое появленіе кажется неожиданнымъ, а я, какъ старый рабочій, ужъ давно копаюсь тутъ и прорылъ такіе корридоры, что просто заглядѣнье! Да, такъ о чемъ вы толкуете? Вамъ скучно лежать на одномъ мѣстѣ, и вы, можетъ-быть, хотите прогуляться? Что же, отправимся въ мое подземелье!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы!—воскликнула Мэри.

— Не желаете? Ну, какъ вамъ угодно! Правда, въ настоящемъ вашемъ щегольскомъ видѣ оно не совсѣмъ удобно быть подъ землей; но если вы полежите тутъ недѣли двѣ, а а не то, мѣсяць...

— Какъ мѣсяць? Неужели Наташа цѣлый мѣсяць не вспомнить обо мнѣ?—спросила Мэри.

— Вещь возможная!—замѣтилъ кротъ,—маленькіе люди очень забывчивы и легкомысленны, не то что кроты! Я-то ужъ никогда не забуду, гдѣ вы лежите, и непременно навѣдаюсь черезъ мѣсяць. Тогда ваше платье и шляпа полиняють отъ дождей и солнца, превратятся въ лохмоть, краска сойдетъ съ фарфоровыхъ щекъ и губъ, и такъ какъ ни вы, ни вашъ кучеръ, ни ваши лошади никуда не будете годиться, то ужъ такъ и быть, я приберу васъ!

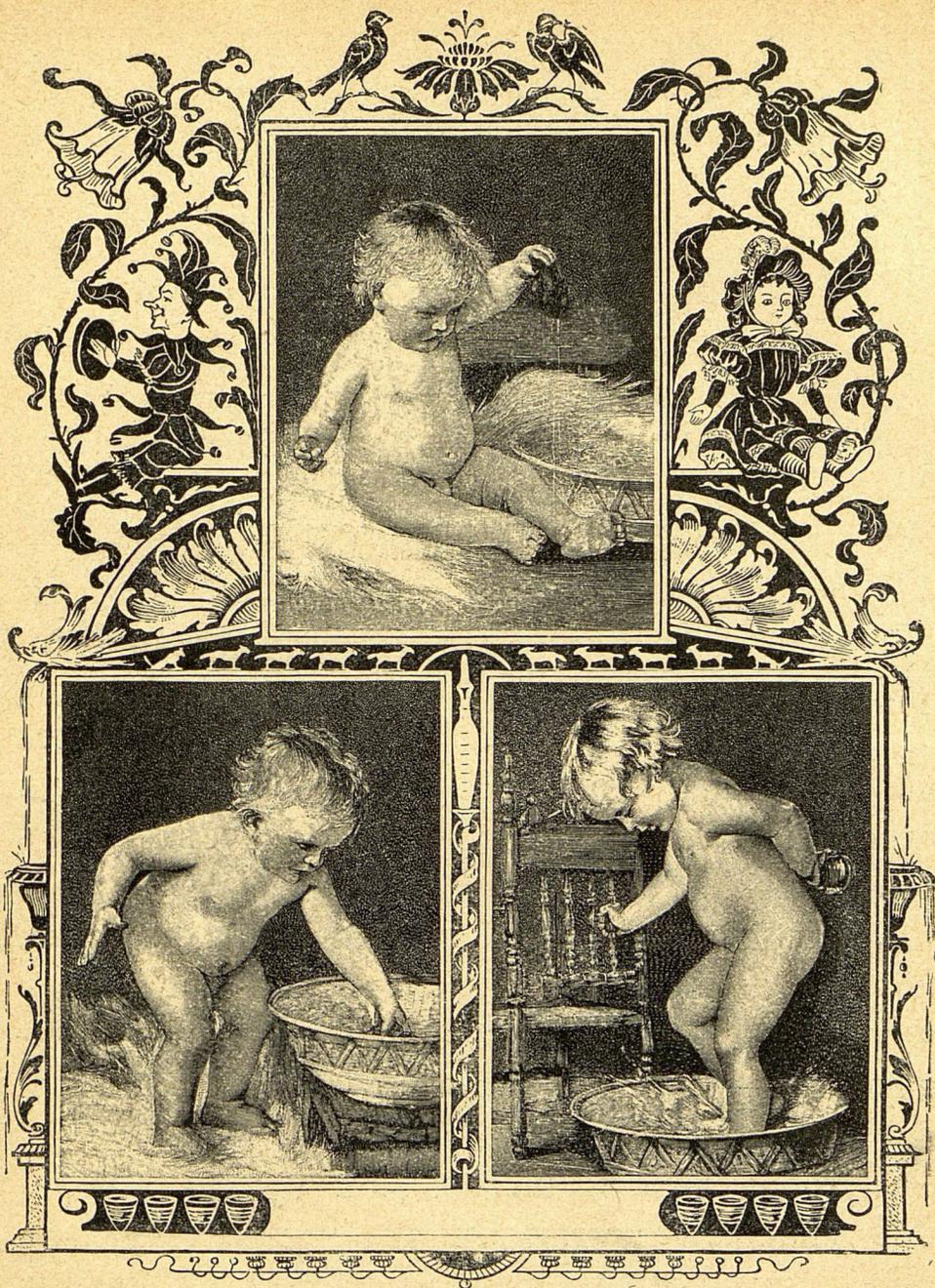
— Приберете меня? Куда? — въ ужасѣ спросила Мэри.

— Куда? — Конечно, къ себѣ въ подземелье. Впрочемъ, стоить ли еще? Нужно сперва узнать, изъ чего вы сдѣланы.

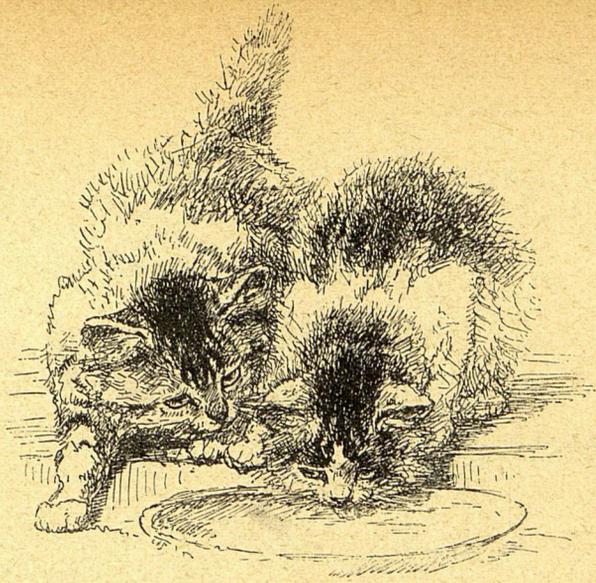
Кротъ подошелъ къ лошадямъ, ткнулъ ихъ носомъ и то же самое сдѣлалъ съ кучеромъ Трифономъ. Мэри отъ страха еще глубже зарылась лицомъ въ песокъ. Каждую минуту она ждала, что страшный кротъ схватитъ ее за руку или за ногу и потащитъ въ ямку. Ей было такъ страшно, такъ тяжело и скучно, что она готова была бы заплакать, если бы большіе, голубые фарфоровые глаза могли выжать хоть слезинку.

А главное, что все и всѣ относились холодно и равнодушно къ ея горю. Луна спокойно лила на землю свой фосфорическій свѣтъ; бѣлый свѣтъ фонарей спокойно мерцалъ подъ стеклянными колпаками; гіацинты и тюльпаны, купаясь въ холодной влагѣ ночи, спокойно распространяли свой ароматъ, и даже виновница всего приключенія, Наташа, спокойно спала въ своей тепленькой постелькѣ...

Каз. Баранцевичъ.

Мыться—такъ мыться,—не жалѣть воды да мыльца!

Ужасное происшествіе!

(Изъ разсказовъ перепуганнаго мышенка.)

Ахъ, какое ужасное происшествіе случилось у насъ на-дняхъ!.. Ахъ, Боже, до сихъ поръ у меня хвостикъ ходуномъ ходитъ, и зубки стучать другъ о дружку, совсѣмъ какъ колотушки!..

Вотъ происшествіе, вотъ незадача!.. Когда подумаешь, что сто сорокъ четыре мыши чуть было не попали на ужинъ коту Мурлышкѣ, — дрожь пробѣгаетъ по спинкѣ, и шерстка становится дыбомъ!..

Это случилось на свадьбѣ у нашей хорошей знакомой крысы Спиридонихи... Задумала пиръ устроить и назвала гостей. Я всегда говорилъ, — не компанія намъ крыса Спиридо-

ниха... Крысѣ — крысыя доля, а мышкѣ-замухрышкѣ — своя!..

Нечего соваться намъ въ знатное общество!.. Вотъ и допрыгались... Конечно, все кончилось благополучно, но это благодаря такту, самоотверженности и силѣ воли нашего хвостатаго дирижера Пиппипатто!.. Да, онъ одинъ спасъ насъ, а не то бы бѣда! Но, слушайте, слушайте, какъ было дѣло!..

Крыса Спиридониха выходила замужъ за молодого крысенка Юркій-Хвостъ. Свадьба, надо отдать справедливость, была великолѣпная. Можете себѣ представить, —этакое великолѣпное помѣщеніе въ игрушечномъ дворцѣ хозяина комнаты, куда мы часто забѣгаемъ, Володи!.. Тамъ все отдѣлано со вкусомъ, даже люстры, даже лампы повѣшены по стѣнамъ; тамъ жили куклы его сестренки Кати, куклы, надо вамъ доложить, самыя обыкновенныя, и только двѣ —изъ чистѣйшаго шоколада.

Когда депутаты явились къ нимъ съ просьбой уступить намъ подъ свадьбу ихъ дворецъ, — онѣ отвѣчали молчаніемъ...

Нашъ дирижеръ Пиппипатто, — о, это голова!.. — только свистнулъ, — мы толпой набросились на дворецъ и мигомъ вытащили за во-

лосы госпожѣ куколь. Шоколадную даму проводить взялъ на себя я.

— Сударыня,—сказалъ я,—какъ вы дивно хорошо пахнете. Этотъ ароматъ!.. — Я не договорилъ; я лизнулъ ея головку, и ужъ тутъ забылъ рѣшительно все...

Да, теперь я краснѣю... Мнѣ совѣстно. Каюсь, я съѣлъ ее... съѣлъ всю до крошки. И когда Пиппипатто вбѣжалъ ко мнѣ и спросилъ:

— Гдѣ третья шоколадная дама? Подруги ея беспокоятся о ней,—я только блаженно улыбнулся. И моя умильная мордочка, вся въ шоколадѣ, сказала ему все.

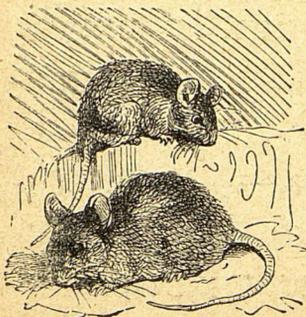
— Несчастный!—возопилъ Пиппипатто!.. — Что ты надѣлалъ!—и онъ всплеснулъ обѣими лапками, но потомъ понюхалъ мою мордочку и сказалъ:

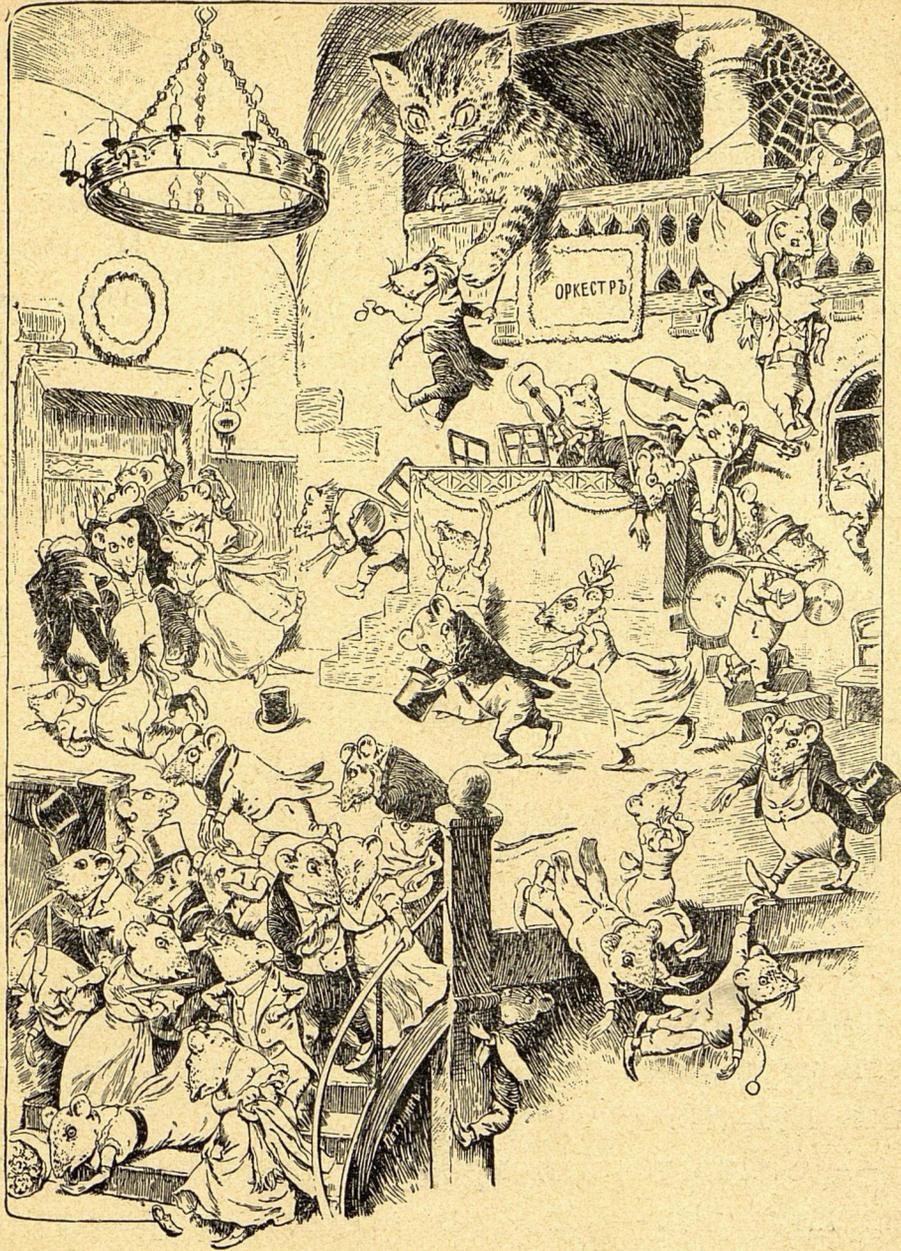
— Однако, это, должно-быть, было очень вкусно!

— Ахъ, маэстро!—только вздохнулъ я...

Какъ никакъ, но именно этотъ случай послужилъ началомъ нашего бѣдствія.

Въ тотъ же вечеръ мы

собрались въ игрушечномъ домикѣ, зажгли огни, уставили столы... Ахъ, Боже, Боже!.. чего не было только на этихъ столахъ. Довольно сказать, что сама невѣста притащила съ кухни цѣлую жареную сосиску. Цѣлую сосиску!.. Да, да, да, и мы могли грызть ее сколько было душѣ угодно. А варенье въ баночкѣ, въ которую старшій поваръ окуналъ свой хвостикъ и давалъ его облизывать желающимъ!.. Я никогда не видалъ болѣе блистательнаго бала и ужина...

Вы знаете, мы одурѣли отъ радости и ѣды. Оркестръ гремѣлъ на всю дѣтскую. Пиппипатто, какъ говорится, превзошелъ себя!.. Танцы были въ самомъ разгарѣ. Пары кружились въ бѣшеномъ вальсѣ, сталкиваясь и падая; хвостики мелькали, какъ молніи, и пыль стояла столбомъ.

Было душно, и я вышелъ на веранду, глухая ночь царила въ дѣтской. И вдругъ я услышалъ страшный предательскій шопотъ негодныхъ куколь.

— Сейчасъ дѣти придутъ съ нянькой!..— говорили онѣ. — Это ни на что не похоже. Этихъ негодныхъ мышей развелась цѣлая гибель. Но няня ихъ угоститъ по-своему. Не-

даромъ она пошла за своимъ котомъ Мурлышкой...

Кровь застыла у меня въ жилахъ; я чувствовалъ, какъ волосокъ за волоскомъ поднимаются у меня по хребту, на спинкѣ...

Внѣ себя ворвался я въ танцевальную залу.

— Господа!.. Я долженъ сообщить вамъ пренепріятную новость: къ намъ идетъ нянинъ ко-отъ... ко-отъ Мурлышка!..

Но меня никто не слышалъ. Пары неслись въ бѣшеномъ вихрѣ танцевъ. Оркестръ гремѣлъ, и Пиппипатто махалъ хвостикомъ вмѣсто дирижерской палочки съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто это былъ у него чей-то чужой хвостъ, а не его собственный...

— Господа,—крикнулъ я во весь голосъ,—берегитесь, котъ идетъ!..

Но—увы,—было уже поздно. Съ верхней галереи раздалось мяу-мяу, страшная когтистая лапа протянулась сверху, и нашъ бѣдный, талантливый маэстро Пиппипатто, во фракъ и бѣломъ галстукѣ, повисъ на воздухѣ...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

(До слѣдующей книжки).

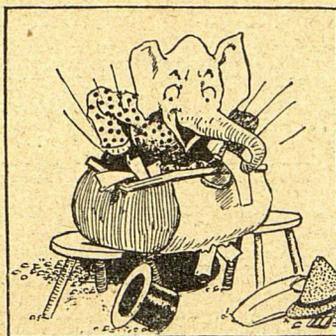
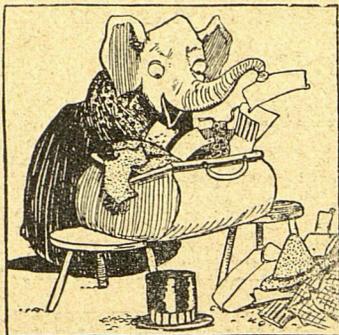

Несчастный чемоданъ.

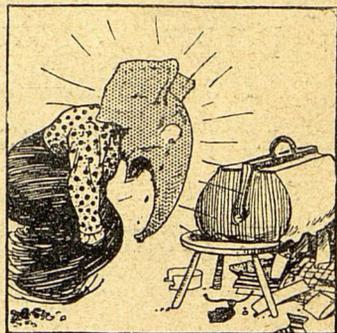
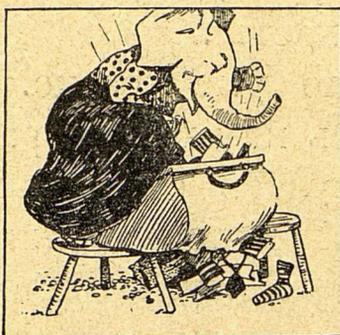
(Шутка.)

Все имѣть свой предѣль. Госпожа слониха убѣдилась въ этомъ горькимъ опытомъ. Когда она собиралась уѣзжать изъ Африки въ Москву, въ звѣринецъ, чтобы повидаться съ мужемъ, слономъ, — она стала укладывать свой чемоданъ. Но чемоданъ былъ страшно тѣсень, и слониха была въ горѣ.

— Надо немножко усиля! — сказала она и стала уминать вещи въ чемоданъ.

— Ага! Лѣзетъ!.. А если еще встать да потоптать хорошенько. Ого!.. Идетъ... Все входитъ!..

Чемоданъ уложенъ, запертъ, слониха довольна... Но, ахъ!.. Да, вещи ея остались въ Афригѣ.